

*Неважно, насколько ты богат,
силен или знаменит.
Важно, насколько ты счастлив.
Восточная мудрость.*

21.07.2013

Новенькую, любовно и ладно изданную книжку «Как закалялась сталь» я увидела пять лет назад в Китае. Сначала не поверила глазам: буденовка, штык и ветка с молодыми листьями смотрелись на фоне алых иероглифов более чем экзотично. Но английский текст аннотации развеял сомнения: да, Николай Островский. На огромном книжном развале в супермаркете Даляня среди книг всех времен и народов стояли два произведения русских авторов.

Роман о «комсе», уже двадцать лет как вычеркнутый из российской школьной программы, подпирала широченным плечом «Война и мир»...

22.07.2013

Роман Островского выходил в Поднебесной миллионными тиражами тридцать два раза. Двенадцать из них напечатаны уже в третьем тысячелетии. Российско-китайский сериал «Как закалялась сталь» стал культовым. Зачем китайцам Корчагин?

Об этом я спросила переводчика нашей тургруппы. Подвижный смуглый парень улыбнулся:

— А как же? Это вечный опыт, его надо знать.

— Какой опыт?

— Быть счастливым. Ваш Пафка был очень счастливым человеком.

Так-то вот. А мы спорим.

23.07.2013

Мудрые, неторопливые китайцы смотрят в корень: быть счастливым — самая трудная наука человечества.

Нас учат аккуратности и вежливости, математике и физике, умению делать карьеру и властвовать собой. Но никто не учит, как любить и быть счастливым. Кроме рекламы, конечно, которая предлагает за сходную цену все, чего не хватает для счастья: от новейших моделей «ауди» и айпадов до безотказно действующего

слабительного. И все же счастье отдаляется от человечества тем быстрее, чем упорней попытки приблизиться к нему.

Но счастье — это не только цель. Это еще и цена, которую далеко не все готовы платить. Размышления о цене и вернули меня к роману Островского.

Нет, он не Овод...

25.07.2013

Биография его в нынешних литературных словарях, в лучшем случае, старательно маскируется под объективность: «Фанатик революционной борьбы, с двадцати лет — член ВКП(б). После ранения на фронте потерял зрение и был прикован к постели. Придумал собственную систему письма, написал роман «Как закалялась сталь» (1932–1934), где создал идеализированный образ героя-комсомольца Павки Корчагина. Роман был официально признан одним из лучших произведений социалистического реализма».

26.07.2013

Итак, «фанатик» создал «идеализированный образ», который был «официально признан». Далековато от формулы счастья...

Буквальный перевод *fanaticus homo* — исступленный человек. Более того, словарь Даля утверждает, что «фанатизм — изуверство, грубое и упорное суеверие вместо веры».

Во что верил Островский? В мировую революцию? Да. В свободу, братство и равенство? Конечно. Но сильнее всего он верил в свою «комсу» и в себя. В то, что путь ими выбран верный. То есть, в основе его веры в революцию была вера в человека.

Простой вопрос: бывает ли счастливым фанатик? И в чем его счастье, если цель фанатизма не сам идеал, а борьба с теми, кто этот идеал понимает иначе? Фанатизм иссушает любовь и веру, из них уходят жизненные соки, остается гербарий, переложенный пергаментом. «Исступление» — это притупление души и затмение разума, оно не имеет ничего общего с чувством счастья. Кроме того, сама природа фанатизма исключает творчество, его живое дыхание, движение и развитие.

Преданность идее и «грубое упорное суеверие» — вещи не только разные, но абсолютно несовместные. Разница опять-таки в цене: одно дело — жертвовать собой ради общей цели и другое — жертвовать людьми ради целей, которые выдаются за общие.

28.07.2013

В юности «Овод» был моей любимой книгой. С годами отношение к литературе изменилось вместе с отношением к людям: «Нет друзей и нет врагов — есть только учителя». У Войнич и Островского есть чему поучиться. Но вот что интересно: над «Оводом» я в школе безутешно плакала. Над романом Островского — ни разу. Просто в некоторых местах перехватывало горло: это жизнь, это правда. Например, когда ему в глаза «презрительно» смотрит дуло браунинга. Ему, который мечтал сам себе скомандовать «пли!», как Овод.

Но он не Овод, он — другой

29.07.2013

Тут самое время вспомнить о «почве и судьбе». Почему юная англичанка Лили Буль, будущая писательница Этель Лилиан Войнич, едет в Россию и пишет роман

«Овод»? Скорее всего, потому, что прототип главного героя, народоволец Степняк-Кравчинский — ее кумир, наставник и соратник. Тот самый Степняк, который в Петербурге среди бела дня заколол кинжалом шефа полиции, но сумел избежать ареста и скрыться в Англии от уголовного преследования.

Почему «Овода» не издают ни в Англии, ни в Америке, где Войнич в бедности и безвестности доживает до девяноста лет, даже не подозревая, какой успех имеет ее роман в России? Да потому, что книга взошла на русской революционной почве и судьба Овода оказалась созвучна миллионам мальчиков русской революции.

30.07.2013

Сильнейшая, почти мистическая связь между романами «Овод» и «Как закалялась сталь», их притяжение и противостояние до сих пор не изучено. О мистике упомянула потому, что Островский ушел в мир иной на тридцать третьем году жизни, как Овод. Обладая феноменальной памятью, Николай Алексеевич знал многие страницы любимой книги наизусть. Понятно, что при работе над собственной рукописью, он вспоминал их прежде всего.

Многие исследователи привычно ставят Овода и Корчагина рядом. Но сходство Павки и Овода — это еще не родство.

31.07.2013

Только поначалу кажется, что жизнь Корчагина выстроена по книге Войнич. Как Артур Бертон, он ради копеечного заработка прислуживает пьяным посетителям привокзального буфета. Как Артур, ненавидит служителей церкви, вступает в юном возрасте в подпольную организацию, участвует в боях, получает тяжелое ранение. Как Артур-Овод, стойчески переносит мучительные боли — следствие этого ранения и неизлечимой болезни. Вспомним страницы из дневника врача, который возвращает семнадцатилетнего Павку с того света: «Обычно в этих случаях много стонov и капризов. Этот же молчит и, когда смазывают йодом развороченную рану, натягивается, как струна. Уже все знают: если Корчагин стонет, значит, потерял сознание... Я знаю, почему он не стонал и вообще не стонет. На мой вопрос он ответил: «Читайте роман «Овод», тогда узнаете».

Но в стремительном развороте двух сюжетов все очевидней становится диаметрально расхождение путей: от любви к ненависти в «Оводе» и от ненависти к любви в книге Островского. Артур, обожающий каноника Монтанелли и влюбленный в Джемму, меняется до неузнаваемости, когда узнает, что тайна его исповеди нарушена и он стал невольным виновником ареста товарища. Джемма считает его предателем. Но главное потрясение впереди: его идеал, падре Монтанелли — тоже нарушитель обета. Он любил покойную мать Артура, он девятнадцать лет назад стал его отцом... Юноша не справляется с тройным ударом и сбегает в Америку, инсценировав самоубийство...

01.08.2013

Когда он вернется в Италию, его не узнает никто, даже Джемма и Монтанелли. И дело не в рубцах, которые обезобразили лицо и тело Артура. Дело — в искалеченной душе. Она еще жива и потому страдает: былая любовь переплавилась в нерассуждающую ненависть, «озлобленность на всех и вся». Знаменательно признание Овода Джемме:

— Темнота, кромешная темнота вокруг... Я боюсь не ада. Ад — это детские игрушки. Меня страшит темнота внутренняя... там нет ни плача, ни скрежета зубового, а только тишина... мертвая тишина.

И все же, разуверясь в Боге, Артур не может разлюбить отца. А отец готов пойти в тюрьму вместо сына, но не отречься от Бога. Оттого и разговор с кардиналом Монтанелли в тюремной камере для Овода более мучителен, чем все пытки вместе взятые: «Я верил в вас, как в бога. Но бог — это глиняный идол, которого можно разбить молотком...»

Монтанелли знает, что Бог — в душе человека, но какими словами объяснить это сыну, который расколол не «идола», а собственное сердце? Альтернатива, предлагаемая Артуром, чудовищна: старый кардинал, который тринадцать лет оплакивал его, считая погибшим, именно сейчас, когда обрел сына вновь, должен своей рукой подписать ему смертный приговор. Либо примкнуть к повстанцам, отречься от Бога и от себя самого. Любой из вариантов для Монтанелли смерти подобен. Но без этого выбора нет жизни Оводу. Он требует доказательств отцовской любви. Но логика его слов и поступков подводит к мысли, что лучшее доказательство — это гибель отца.

Возникает невольный вопрос: что важнее для профессионального революционера, одного из предводителей освободительного восстания — интересы общего дела или личные отношения с кардиналом? Если первое, то почему Овод, проявляющий «спокойное упорство» в самых сложных организационных вопросах, напрочь лишается логики, едва речь заходит о Монтанелли? Почему идет на безумный риск, настояв на поездке в кишашую шпионами Бризигеллу, где проповедует кардинал? Почему после ареста проявляет еще большее безумие, отказываясь от его помощи в устройстве побега?

Чем ближе к финалу, тем сильнее чувство, что Овод сознательно запустил программу самоуничтожения. Знаменитая сцена расстрела — это, по сути, вторая попытка самоубийства Артура Бертона, где смерть наконец ставит точку в жизни несчастливому человеку. Единственный отблеск светлого мира, где он любил и был любим — строчки детской песенки из прощального письма Джемме:

*Счастливой мошкой летаю,
Живу ли я, иль умираю...*

02.08.2013

«Меня страшит темнота внутренняя...» Стоит перечитать роман хотя бы для того, чтобы увериться, насколько Монтанелли целостнее и мудрее Овода. Войнич в финале романа заставляет кардинала бросить на храмовые плиты ковчег со святыми дарами. Эффектный, конечно, жест, но воспринимается он как авторский произвол, идущий вразрез с органикой образа. Это сразу почувствовали большие актеры Сергей Бондарчук и Сергей Романюк, сыгравшие в разные годы Монтанелли. Несмотря на то что экранизации «Овода» пришлось на разные эпохи (последние съемки были на киностудии имени Довженко в 2002 году), оба наотрез отказались бросить святыню на пол.

03.08.2013

К слову, в 2002 году этот фильм снимал на Украине китайский режиссер У Тянь Минг (китайцы, как видим, и «Овода» читают). При постановке у него возник вопрос: как избежать романтизации ненависти Артура Бертона? Артур в понимании китайца был человеком, у которого «ненависть исказила способность к самореализации, и страсти затянули его в вихрь хаоса». У Тянь Минг в годы китайской «культурной революции» вынужден был эмигрировать в Америку. Чтобы выжить, он, дипломированный режиссер, лепил пельмени для уличных

торговцев. О возвращении на родину и думать не смел. Так что о судьбах людей, попавших в мясорубку революции, знал не понаслышке. Из испытаний вынес твердое убеждение: если место любви в сердце занимает ненависть, то это — путь к самоуничтожению.

Кульминационную сцену расстрела режиссер не снимал до последнего съемочного дня. Он хотел, чтобы в глазах Овода «появилось прозрение, осознание того, что он переступил черту», потребовал от Монтанелли выбирать между ним и Богом. Может, он усомнился, что «Бог — это глиняный идол, которого можно разбить молотком»? Может, он вынес приговор себе сам, желая быстрее его исполнить?..

...он — другой

10.08.2013

Как и Овод, Корчагин обладает мощной харизмой и производит на людей почти магическое впечатление. В него влюбляются, его обожают или ненавидят, но даже самые близкие друзья понимают, что это человек другого уровня. Подобно Оводу, Павка сочетает черты бойца и мученика. Парадокс в том, что это сочетание в образе революционера-атеиста, почти полностью соответствует канону православного героя.

Об этом говорили многие, я приведу мнение протоиерея Александра Меня: «Только немислимые зигзаги отечественной истории последних десятилетий способны были породить эту «жизнь» и это «житие». Островский поистине казался каким-то чудом природы, клубком противоречий. Однако именно этот человек принадлежал к породе абсолютно цельных, как принято говорить, «высеченных из единого камня натур».

Заметим, что одновременно быть «клубком противоречий» и цельным человеком нельзя. Зато возможен переход из одного состояния в другое. Если человек растет...

11.08.2013

Сходство Овода и Корчагина видно невооруженным глазом. А различия?

Овод, в отличие от Павки, — одиночка, несмотря на то что действует сообща с итальянскими повстанцами. Его мир остался там, где он был счастлив — в кабинете Монтанелли, в прохладе церковных сводов. Он проклял его, но уйти навсегда так и не смог. Отсюда — муки раздвоенной личности и ненависть, смешанная с любовью. Ведь самое трудное — не противостояние миру, а противостояние самому себе. Потеряв цельность, человек утрачивает и смысл жизни.

Павку ненависть переполняет в начале романа: он никому не умеет и не хочет прощать «даже малых обид». Ему, как Оводу, предстоит пройти все мыслимые и немыслимые испытания, унижения, утраты. Но победить суждено именно Корчагину.

Это он — «рвань» и «отъявленный хулиган» — оказывается способным к движению и росту. Попав в самую «бучу» пролетарской борьбы, он расправляет плечи — моя революция! — и чувствует себя счастливым, несмотря на смертельный риск, гибель друзей, боль расставания с любимой девушкой.

Он — живой, молодой, страстный человек, такой же, как большинство комсомольского племени. Но наступают моменты, когда он не в толпе, а над толпой. Как в ту минуту, когда встает на сторону комиссара, запретившего расстреливать пленных: «Мы не белые». Или когда, преодолевая острую боль в суставах и еще более острую боль в душе, участвует в маневрах наравне со всеми, из-за того, что высокомерный франт, начальник штаба, приказал ему слезть с лошади. И, на-

конец, когда опускает револьвер, который мог бы решить все «неразрешенные» вопросы: «Все это бумажный героизм, братишка!.. Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой».

12.08.2013

Тема выбора у Островского тоже интерпретирована иначе. Первая любовь Павки — Тоня Туманова — девушка из другого мира, совсем иного круга, чем молодой кочегар. Корчагин категоричен:

— Тоня, ты должна быть с нами. Я не тот Павлуша, что был раньше. И я плохим буду мужем, если ты считаешь, что я должен принадлежать прежде тебе, а потом партии. А я буду принадлежать прежде партии, а потом тебе и остальным близким.

Да, он на компромиссы не идет. Но, заметим, это не вопрос жизни и смерти. Это выбор пути.

Юношеский максимализм не позволит Корчагину отделить любовь от борьбы: не время строить личную жизнь, пока не победила революция. Даже если его любимая является соратницей по борьбе. Знаменательно его признание Рите Устинович: «... я чувство к тебе встретил по «Оводу...»

Автор книги и ее герой — максималисты, но не фанатики. «Как закалялась сталь» — это не только честное зеркало революции, но и зеркало души человеческой, совершающей восхождение на свой Эверест. У Островского и намек нет на «внутреннюю тьму», на раздвоение личности, хотя с годами он меняет отношение к происходящему. «Я голосую за год жизни против пяти лет прозябания, но мы иногда преступно щедры на трату сил... Оказалось, что героики в этом нет», — пишет Николай другу.

13.08.2013

В романе этот признание имеет продолжение.

— Значит, «Овод» переоценен? — спрашивает Рита Павла.

— Нет, Рита, в основном нет! Отброшен только ненужный трагизм мучительной операции с испытанием своей воли.

Именно Рите он предлагает «стать больше, чем товарищем», но...

— Немного поздно товарищ Овод...

Ну что ж, он держит и этот удар.

14.08.2013

Юный Павка мечтал о судьбе Овода, искал случая умереть за идею. Но, стремительно повзрослев, он нашел в себе силы бросить вызов самой смерти. И завершить свою книгу он хотел словами: «Самое дорогое у человека — это жизнь, и прожить ее надо так... чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за идею коммунизма».

Впоследствии он изменил и концовку знаменитой фразы, и финал романа.

Страда непрерывная

20.08.2013

Интересно, почему Островский вычеркнул из списка книг, которые спешил прочитать до того, как полностью ослепнет, все романы Достоевского? Не оттого ли, что у Достоевского люди гибнут *из-за* идей, у Островского — *за* идею?

Ведь идея может стать тюрьмой. А может — крыльями, над которыми никакие оковы не властны.

21.08.2013

В переводе с греческого идея — это «внешность, вид, образ». Неутомимый Даль подбирает для трактовки заемного слова забавный термин «умопонятие», то есть умственное представление о предмете, которого нет. Соответственно, идеалист — это «умствователь, кто увлекается несбыточными на деле выдумками».

Но отнести Островского и Корчагина к мечтателям-идеалистам язык не поворачивается. Да, с одной стороны, у них сплошное время будущее: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор». Но с другой, — это будущее на глазах изумленных скептиков становилось настоящим: «Мы покоряем пространство и время». И никакой иронией не опровергнуть факт очевидного невероятного: ведь покорили же...

22.08.2013

Малыш начинает свой путь по планете именно с покорения пространства. Преодоление одного-двух метров ползком — это, без всяких преувеличений, титанический прорыв, подвиг младенца, бросившего вызов притяжению земного шара. Потом дитя человеческое становится на четвереньки и наконец делает первый шаг. На победу над всемирным тяготением уходит около года. Понятие времени для ребенка остается непостижимым: это плюс-минус бесконечность. Со временем пространство сожмется до планеты Земля, а часы и дни полетят со страшной силой, пока... Пока болезнь или старость снова не напомнят человеку об истинной цене каждой минуты и каждого шага.

Идея тоже делает первые шаги с трудом. Когда она овладевает массами и становится «умопонятием» миллионов, ее облик неузнаваемо меняется. И перемена эта порой совершенно неожиданна для авторов: словно человек, твердо и прямо стоявший на земле, вдруг опустился на четвереньки.

23.08.2013

Мы думаем, что время идет по прямой, забывая, что исходное значение этого слова — «возвращение, чередование дня и ночи». И длительность бытия, и последовательность существования рода человеческого — все это складывается в непрерывную цепь времен и событий. «Время за нами, время перед нами, а при нас его нет», — поясняет русская пословица. Есть у слова «время» и еще одно забытое старинное значение: счастье, земное благоденствие. «Было время...»

24.08.2013

Стоит ли напоминать читателю, что у Островского времени не было совершенно? Он писал свою книгу, не зная, на какой странице оборвет ее смерть. Может, поэтому многие отрывки из романа по своей стилистике близки к поэме в прозе, несмотря на многочисленные вкрапления революционных приказов, листовок и протоколов. Но главное в нем — стержень, звенящий, сверкающий, гибкий и торжествующе прочный. Сталь невероятного закала.

25.08.2013

«Мир движется вперед благодаря тем, кто страдает», — записал в своем дневнике двадцатилетний Лев Толстой. Спустя тридцать лет он добавит: «Истинная сила человека не в порывах, а в нерушимом спокойствии».

Островский, по воспоминаниям, был человеком порывистым, горячим. «Нерушимое спокойствие» пришло к нему вместе с болезнью: дух начал движение по вертикали. Он стал по-настоящему свободен, услышав приговор врачей. Чем

сильней было давление обстоятельств внешних, тем сильней нарастало сопротивление внутреннее. Тут уже не идея, а сверхидея: попробуй победить жизнь, когда она становится невыносимой.

По сути, в эти дни в нем начинается работа по высвобождению в человеке скрытых возможностей. Он идет тем же путем, каким идут исследователи морских и космических глубин: сверхнагрузки, сверхтерпение и... одиночество. Не зря Гагарин в числе своих любимых книг назвал «Как закалялась сталь».

26.08.2013

Что до страдания...

По словарю Даля, «страдовать — усиленно трудиться». «Страдати» в первоначальном значении — добиваться, стараться, выполнять тяжелую ломовую работу. То есть страдание — это тяжелый безостановочный труд души, одоление боли, уныния и безверия. Возвышение над бедой и болью. Победа в испытаниях, посланных свыше. В этом — философский смысл страдания.

Все люди страдают, явно или тайно. Причины разные, суть одна: физическая, либо душевная боль. Либо то и другое вместе. Страдание не было знакомо человеку разве что в библейском Эдеме. Но человек свободен в своем выборе. И он сам выбрал путь, за который платит страданием.

27.08.2013

«Есть глубинная связь между страданием и познанием, — размышляет доктор психологии Федор Василюк. — Не только друг познается в беде, в трудную годину человек узнает правду и о себе самом. Порой открывается жалкое и горит стыдом. Но иногда неожиданно для себя самого выпрямляется он в полный рост, и другой жар — жар свободы, достоинства, мужества загорается в душе и преображает всего человека».

То есть страдание — это не наказание, а испытание, посланное человеку для суровой и непрерывной духовной работы. Испытывая человека, Бог испытывает и самого себя, пребывая в каждом из нас. И это соратничество — страда непрерывная.

28.08.2013

Атеист Островский очень ясно понимал: нельзя самовольно уходить с вахты под названием Жизнь. «Быть стойким, когда владеешь сильным телом и юностью, довольно легко, но устоять, когда жизнь сжимает железным обручем — дело чести». Презрению к ущербности духа и воли он учился у Горького: «Человека создает его сопротивление окружающей среде, обстоятельствам...»

На переплете первого издания романа «Как закалялась сталь» художник изобразил молодую веточку и штык. Когда слепой автор нащупал вдавленный контур рисунка, он улыбнулся: художник правильно понял идею его книги.

Противостояние революций

03.09.2013

«Как закалялась сталь» — это книга-ключ. В ней — разгадка того, что произошло с нами и с Россией: она в том, что революция и эволюция отнюдь не отрицают друг друга. Хотя считается, что они ничего не знают друг о друге, идя параллельными путями, которые если и пересекутся, то в бесконечности космоса. Или в душе человеческой...

04.09.2013

Слово «революция» появилось на Руси в Петровскую эпоху. Латинское *revolutio* означает «переворот». Теперь мы привычно добавляем: государственный. То есть — восстание, мятеж, бунт, смута. Насильственный переворот всего гражданского быта. Эволюция — тоже от латинского *evolutio* — развертывание. Одна из основных форм движения и развития в природе и обществе. Непрерывное и постепенное *количественное* изменение, в отличие от революции — коренного изменения *качественного*.

По мнению многих крупнейших мыслителей двадцатого столетия, Октябрь 1917 года был уникален тем, что социальная и духовная революции в России совпали по времени. Социальное напряжение несло волны небывалого разрушения, духовное начало дарило энергии беспримерного созидания. Жизненно важный вопрос заключался в том, какие силы победят.

Путь Островского-Корчагина проложен по узкой колее между двумя революциями, противостоящими друг другу.

05.09.2013

Он писал так же, как сражался, как воевала вся его братва, комса — раздетая, разутая, только вчера взявшая винтовку в руки. Она сражалась за будущее. Комса — отголосок слова «кромсать», перекраивать мир по-своему. И еще — масса. Кромсающая масса.

Они и работали, как воевали. Не случайно появилось в двадцатые годы слово «трудармия». Строительство узкоколейки для спасения замерзающего Киева — типичная революционная ситуация, когда «и построить нельзя, и не построить — нельзя». То есть, невозможное необходимо — в очередной бессчетный раз! — сделать возможным. Для этого в Боярке созданы все условия: нереальные сроки строительства, острая нехватка людей и стройматериалов, теплой одежды и продуктов питания. Плюс развалины старой школы, непригодные для жилья, особенно под холодным осенним дождем и пронизывающим ветром. А также орудующие в округе банды, которым безоружные, измотанные, почти поголовно простывшие комсомольцы должны давать отпор.

Но это все — присказка. Сказка начинается, когда две недели спустя начальник Особого отдела губкома компартии Федор Жухрай объявляет: «Смены не будет». Отстояв немислимую вахту, держась одной только мыслью о возвращении в город, где можно отогреться, помыться и подлечиться, комсомольцы молча слушают решение губкома: «Считать необходимым оставить на стройке всех членов комсомола, разрешив их смену не раньше первой подачи дров». Как не понять эмоциональный срыв одного из них:

— Людей на каторгу ссылают, так хоть за преступления. А нас за что? Держали две недели — хватит! Пусть тот, кто постановлял, копается в этой грязи, а у меня одна жизнь!

И комсомольский билет, кувыркнувшись, падает на стол. Дезертира молча пропускают к двери. Билет в гробовом молчании сжигают на огне коптилки. Других желающих спасти свою жизнь среди десятков людей не обнаруживается. И не потому, что они боятся начальства и оргвыводов. Это момент, когда невидимая душевная страда в один миг переходит в новое, зримое качество.

06.09.2013

Навязать духовную революцию невозможно ни сверху, ни снизу, ни сбоку. Ее всегда совершают в одиночку. Но история знает немало примеров массового духовно-революционного прорыва. Он много раз повторится под огнем Великой

Отечественной. И роль слова, роль книг, подобных роману «Как закалялась сталь», здесь умалить и переоценить невозможно. Не оттого ли, что опыт подобного творчества носит всегда глубинный соборный характер?

Роман Островского не случайно издадут в блокадном Ленинграде в 1942 году, когда судьба города будет висеть на волоске. Город, парализованный и ослепший, будет бороться со смертью, подступающей со всех сторон. Книгу напечатает десятилетиячным тиражом, крутя машины вручную, потому что электричества не было. Распродадут половину в течение двух часов. Остальной тираж уйдет на передовую Ленинградского фронта. Его пронесут по дорогам войны до Берлина тысячи рядовых в солдатских вещмешках, где рассчитывался каждый грамм веса и сантиметр площади...

А полвека спустя роман тихо «изымут» из школьной программы. В разгар перестройки я услышала горькую фразу от участника войны, прошедшего от Ленинграда до Берлина: «Запретить книгу Островского — значит, вычеркнуть память о поколении, которое победило фашизм».

07.09.2013

Сегодня размышления о книге подменяют рассуждениями о том, кто ее писал, участвовал ли Островский в гражданской войне и была ли бояркинская узкоколейка в его биографии.

Была! Потому что были в нашей истории ДнепрогЭС и Комсомольск, Магнитогорск и Метрострой, были еще десятки ударныхстроек, где комсомольцы работали так, словно воевали. «Воет ветер, метель свирепа, как стая волков, а в ночи, занесенный пургой, отряд из второго поколения Корчагиных в пожаре дуговых фонарей стеклит крыши гигантских корпусов, спасая от снега и холода первые цехи мирового комбината, — надиктует Островский заключительные страницы романа, посвященные Магнитострою.

И завершит абзац словами: «Выросла страна, выросли и люди».

08.09.2013

Поколение Островского, поколение Маресьева, поколение Гагарина объединяет память о сотворении собственноручного чуда, которое по всем объективным причинам сотворить было нельзя. И дело не в платоновских «грезах очарованности и яростной вере в революцию, которая поднимет счастье до несчастья». У этих людей был такой невероятный запас жизненной силы и созидающей энергии, словно они аккумулировали мечту о счастье всех предыдущих и будущих поколений человечества.

09.09.2013

Аркадий Гайдар, ровесник Островского, раскрывает в сказке «Горячий камень» секрет этого счастья.

Хромой старик с изуродованным лицом объясняет мальчику Ивашке, что жалеть его не за что. «На самом деле я — самый счастливый человек на свете. Ударом бревна мне переломило ногу, — но это тогда, когда мы валили заборы и строили баррикады. Мне вышибли зубы, но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию. На солеме, в холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом, узнавал я, что враг опять разбит и мы наступаем. И, счастливые, протягивали мы друг другу костлявые руки, робко мечтая о том,

что пусть хоть после нас страна наша будет такой вот, как сейчас, — могучей и великой. Это ли не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость?»

Великая китайская стена и узкоколейка в Боярке

14.09.2013

Мудрецы древнего Китая говорили, что вся жизнь человека — это путь по мосту между прошлым и будущим, войной и миром, любовью и ненавистью. Определить в мощном энергетическом поле Вечности, к какому берегу ты движешься, помогает именно чувство счастья, необъяснимое и непокорное, как луч света.

О вечности лучше всего думается на вершине над морем. А еще — на Великой китайской стене. Удивительное сооружение! Длина ее стен, протянувшихся от Желтого моря до пустыни Гоби — около шести тысяч километров. По замыслу императоров, она должна была обозначить границы китайской цивилизации, скрепить единство империи и защитить Китай от набегов кочевников с севера. Строительство, начатое в двести десятом году до нашей эры, продолжалось с перерывами около двух тысячелетий. На эпохальной стройке трудились миллионы, а сколько погибло от непосильного труда, голода и страшных эпидемий, подсчитать невозможно. Существует поверье: если приложить ухо к стене, то можно услышать жалобные стоны и плач людей, погибших на строительстве.

Парадокс в том, что ценность стены как оборонительного сооружения была более чем сомнительна: при желании враги всегда находили слабоукрепленные места или просто подкупали стражу. В XVII веке, при династии Мин, стена, павшая перед очередными варварами, стала для Китая символом национального позора.

Строители трудились от рассвета до заката, а какова была польза?..

Для чего мы строили стены длиной в десять тысяч ли?

Длинная стена росла вверх, а империя катилась вниз.

Люди и сегодня смеются над ней...

Но два века спустя китайцы, озадаченные интересом европейцев к «бесполезному сооружению», мало-помалу изменили отношение к стене. Уже в девятнадцатом столетии она обретает в национальной культуре новое значение: самый масштабный строительный проект в истории человечества, крупнейший памятник архитектуры, «восьмое чудо света»... Независимо от неудач, связанных с ее военным прошлым, стена превращается в символ стойкости и созидательной мощи народа.

15.09.2013

Великую китайскую стену я вспоминала, бродя по Ленинграду-Петербургу, городу-мосту, который вибрирует между прошлым и будущим. Шагаешь из века в век, перешагивая эпохи, и не оставляет чувство удивительного родства и сопричастности всему увиденному, всем сохраненным и возрожденным подлинникам: Екатерининскому и Павловскому дворцам, Эрмитажу, Исаакиевскому собору, Мариинскому театру, Летнему саду...

То, что город, построенный на костях тысяч подневольных людей, стал колыбелью социальной революции, логично. Но какая сила совершила революцию духовную, заставив потомков этих строителей отстоять блокадный город ценой собственных жизней? Какая сила, вопреки навязанному «бандитскому» и торгашескому имиджу, хранит сегодняшшний Петербург от пошлости?

«Мир движется вперед благодаря тем, кто страдает», — снова вспомнилось под сводами Спаса-на-Крови, храма нечеловеческой красоты и мощи, построенного

на месте гибели Александра II. Разве не знак судьбы, что первой жертвой назревающей революции стал царь-освободитель?

Пушкин незадолго до дуэли в своей квартире на Мойке напишет вещие слова: «Сильная и прочная власть не может быть построена на крови, ибо пролитая кровь вызывает новые потоки крови». Инфернальная метафизика социальной революции, ее «бессмысленность и беспощадность» были до боли сердечной ясны ему, ровеснику и другу декабристов.

Неподалеку от храма — Марсово поле, где возведен памятник погибшим революционерам. Если вспомнить, что в годы блокады в храм свозили тела погибших ленинградцев, кровавый круг замыкается.

Спас-на-Крови — это реквием всем страстотерпцам, построившим и отстоявшим город. В нем сконцентрировано столько красоты, что ее должно было хватить на спасение всего мира. Увы. Спас не только не спас Россию от испытаний и жертв, но и сам уцелел чудом. Судьба его долго качалась на расшатанных весах революции: после войны в нем хранили картофель, складировали театральные декорации...

И все же храм выстоял, выжил. Воскрес. И смотреть на него — счастье.

16.09.2013

Страда души человеческой эксклюзивна в каждом конкретном случае, как уникален и сам человек. Но в какой-то момент критическая масса страдания человеческого переносится в категорию Вечности, становясь бессмертием общего духовного подвига. Телесные страдания имеют свойство забываться со временем. Но страда духовная — скорбный урожай многовекового рабства, революций и войн — забвению не подвластна. И память о всеобщем подвиге — творчество коллективное, живое, оно не зависит от политической погоды и тысячелетия на дворе. А потому неважно: стена перед нами в шесть тысяч километров или узкоколейка в шесть верст. Это мосты, которые соединяют не только прошлое с будущим, но и земное с небесным.

17.09.2013

Вращается земля, сменяются тысячелетия, эпохи, социальные уклады, философские умозаключения, общественные движения и культурные слои. Константы нет. Или... все-таки есть? И человек — духовная первоматерия Космоса, его атом? И ядерная энергия этого атома сильнее всего в мире? Принято считать, что эпоха формирует человека. Но справедливо и обратное: человек формирует себя в противостоянии эпохе — всем ее революциям, войнам, катастрофам — и своим сопротивлением формирует эпоху. Внешне он «продукт эпохи», но по сути своей — явление внеэпохальное. Человек, нашедший формулу смысла жизни, получает формулу спасения.

Шахматная партия со смертью

24.09.2013

«Как закалялась сталь» — книга, не только жизнью продиктованная, но и оплаченная жизнью.

Судьба дала Островскому возможность завершить свой роман. Он писал его ночами, в кромешной тьме выводя строчки на картонном транспаранте, который сам придумал. Утром родные разбирали и переписывали его «ночную норму».

Десять лет спустя его ровесник, поэт-политрук Муса Джалиль, арестованный гестаповцами, будет в таком же бессонном режиме набрасывать свою «Моабитскую

тетрадь»: «Вот и последнюю песню пишу я, видя топор палача над собой». Такие книги несут совсем другую энергетику.

25.09.2013

«Я сражаюсь до последней пешки», — это не просто фраза, это выстраданное кредо. Там, где у книжного Овода включается программа самоуничтожения, реальный революционер двадцати семи лет от роду отводит револьвер от виска и начинает невероятную партию со смертью — «до последней пешки». Отказали ноги — набрал книг в библиотеке и стал усиленно читать. Потерял зрение — стал слушать через наушники радиоприемник, подаренный друзьями, и вести кружок молодых коммунистов. Еще и в институт поступил. После полутора лет скитаний по больницам и нескольких безуспешных операций сказал врачам «холодно и резко»:

— Точка. С меня хватит. Я для науки отдал часть крови, а то, что осталось, мне нужно для другого.

«Другое» — это задуманная книга.

26.09.2013

Тело Островского было сковано болезнью, а язык — незнанием литературных приемов. И он боролся с этой немотой отчаянно, так же, как со слепотой и параличом. Слова, слова... где их найти, как организовать, как передать сжигающий его огонь читателю?

В Мертвом переулке, в комнатухе московской перенаселенной коммуналки, он диктовал соседке Гале Алексеевой, своему добровольному секретарю: «Самое дорогое у человека — жизнь...»

Я пытаюсь представить это, и вдруг в заученные с детства строчки врывается неукротимая толстовская интонация: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

Не знаю, нашел бы кочегар Павка общий язык с графом Пьером Безуховым, но Островский читал Толстого очень внимательно. И «Войну и мир», и «Анну Каренину», и «Воскресение».

27.09.2013

Чехова он тоже читал вдумчиво:

«Жизнь дается человеку один раз и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю, чтобы те же поколения не имели права сказать про каждого из нас: то было ничтожество или еще хуже того...»

«Рассказ неизвестного человека», из которого взята цитата, написан за сорок лет до романа Островского. У Чехова с Островским есть общая дата: 1904 год — это год смерти Антона Павловича и год рождения Николая Алексеевича. Роднит их, конечно, не это, а личная ответственность за происходящее и умение стать хозяином своей судьбы.

Обратите внимание: чеховское «хочется прожить...» Островский заменил железным «надо». Дело не только в эпохе. Свое кредо Островский будет переписывать много раз, проверяя сердечным слухом каждое слово. Из финала фразы уйдет «за победу коммунизма». Ее сменит «борьба за освобождение человечества». А освобождение человечества — это уже близко к освобождению человека. То есть идею сменяет вполне конкретный эксперимент на себе.

28.09.2013

Островский — своему другу П. Н. Новикову: «У меня есть план, имеющий целью наполнить жизнь содержанием, необходимым для оправдания самой жизни... Я совершенно здоровый парень. То, что у меня не двигаются ноги и я ни черта не вижу — сплошное недоразумение, идиотская шутка. Если мне сейчас дать хоть одну ногу и один глаз, я буду такой же скаженный, как и любой из вас, дерущихся на всех участках нашей стройки».

Скаженный — это сумасшедший, фантастический, шальной. Вообще-то, на украинском языке означает «бешеный». Его приводило в бешенство собственное тело, которое «дезертировало», предавая его день за днем. Его, полного жажды жизни, движения, творчества. И чем сильнее сжимался круг темноты и бессилия, тем яростнее было желание совершить невероятное, довести задуманное до конца.

29.09.2013

После фантастической эпопеи с написанием книги начался тернистый путь ее к издателям и читателям. Начался он с потери единственного экземпляра рукописи, бесценной тем, что она содержала страницы, написанные собственноручно, по трафарету. Он снова сцепил зубы и с помощью друзей восстановил рукопись по памяти.

И вот — финал, которого не ждал никто, даже сам автор: книгу не только напечатали, она имела настоящий, безоговорочный, «бешеный» успех у читателей, а затем и у представителей власти. Можно было почивать на лаврах: орден, квартира в Москве, дача в Сочи. Мизерную пенсию сменила очень солидная зарплата.

Островский не собирается расслабляться, задумав новый роман. Но приговор врачебного консилиума в декабре 1935 года неумолим: писателю прямо говорят, что остался месяц жизни. Это максимум. О поездке в Москву не может быть и речи.

Выслушав мнение медицинских светил, он... делает новый ход. Едет в Москву, пишет первую часть романа «Рожденные бурей», каждый день общается с людьми и отвечает на письма. И выигрывает у смерти еще год. Говорят, судьба насмехается над романтиками. Но и романтики смеются над судьбой...

По воспоминаниям жены, Раисы Порфирьевны, в свое последнее утро Островский улыбался. Так уходят люди, согретые чувством хорошо сделанной работы. Нет, он не победил смерть. Он одержал победу над жизнью.

Попробуй победить жизнь...

03.10.2013

А вот теперь поговорим об «официальном признании»: не будь команды сверху, не было бы и «одного из лучших произведений». Между тем история свидетельствует, что признание книги началось с «низов»: почти два года после выхода романа в свет официальная критика безмолвствовала. Зато издательство «Молодая гвардия», где вышла «Как закалялась сталь», пребывало в шоке: в редакцию хлынул поток читательских писем, грозящий парализовать весь производственный процесс. Молодежь читала роман взахлеб, коллективно и поодиночке, его переписывали от руки, требовали продолжения... Павка Корчагин, которого спервоначалу издатели сочли «вымышленным персонажем» стал своим для десятков тысяч людей, ничего не знавших о судьбе Островского.

Когда критики говорят о сомнительных литературных достоинствах романа, то противоречат сами себе: то писал не Островский, а целая бригада профессионалов,

то писал он сам, но его текст правили без конца. Если писали профессионалы, то откуда слабые места в романе? Если писал он сам, нарушая все правила, то откуда такое воздействие на читателя?

«В книге нет того фермента, который мог бы привлечь профессионалов, — рассеивает мое недоумение Лев Аннинский, посвятивший изучению творчества Н. Островского почти полвека. — В ней есть какой-то сверхлитературный фермент, который привлекает миллионы душ помимо и через головы профессионалов. Впервые — испытано на себе! — был показан переход героя от внешней борьбы к внутренней, с самим собой. Новая норма, новый отсчет, новые литературные законы. Волею судьбы, автор просто не знал старых».

Да, Островского читают не так, как всех остальных.

04.10.2013

Книга-то не выстроенная, а выстраданная... Никто из критиков не пробовал поставить себя на место автора? Хоть на день, хоть на минуту? Дело не только в том, что тело парализовано и глаза не видят. Дело в *немоте*, в страшном преодолении этой немоты, когда учиться писать романы уже некогда, слова не подчиняются, разум взрывается от бессилия, а времени все меньше и меньше. Была такая изощренная казнь у святой инквизиции, известной противницы кровопролития. Еретиков замуровывали живьем в крепостной стене. И чувство, которое они испытывали, было, наверное, сродни состоянию Островского: кирпичная кладка все выше и выше... вот и по грудь, вот и по шею, вот и последний луч солнца погас... еще немного, и воздух кончится.

Упомянула инквизицию еще и потому, что «Как закалялась сталь» находится в прямом родстве с «Легендой об Уленшпигеле», это сразу почувствовали режиссеры Алов и Наумов, создавшие фильмы «Павел Корчагин» и «Легенда о Тиле».

Слов ему не хватало как воздуха, и когда наконец приходило нужное — это было счастье. Вот почему он категорически возражал против переписывания своей рукописи профессионалами.

05.10.2013

В чем секрет читательского ажиотажа, над которым семьдесят лет бились историки литературы? Почему роман, стилистически слабый, местами косноязычный, построенный наспех из разнородных текстов, вопреки всем законам воспринимался как единое целое и читался на одном дыхании?

Ответ на поверхности: потому и читался, что ритм дыхания автора и читателей полностью совпадал, делая их единым целым. Читательское сознание воспринимало текст не только как увлекательную информацию, а как мощнейший энергетический заряд. Духовный резонанс был такой силы, что в пору говорить уже не о чтении, а о коллективном сотворчестве, в котором рождалось «поколение Корчагиных».

06.10.2013

Спор об авторстве романа напоминает печально известную полемику вокруг «Тихого Дона». О чем шуметь? Воевал или не воевал автор, писали за него или он все-таки сам справился? Читайте романы — и вся эклектика «метельного стиля» станет гармонией. Обе книги — это не автобиография писателей, а биография нашего народа. Островский жанр своего произведения определил четко: «Собираюсь писать историческо-лирическо-героическую повесть». И создал именно то, что хотел.

07.10.2013

Главное для него было — написать о братве, которая не могла рассказать о себе, потому что погибла. Написать так, чтобы поняли. Чтобы помнили... Валу, Розу, Сережку, Гришутку, начдива Летунова... Его упрекали, что персонажей слишком много, что фамилий — более двухсот, что они не играют роли в повествовании, появляются и исчезают. Он молчал, темнея лицом. Для него — это не второстепенные. Это все свои, это комса, которую надо хоть как-то помянуть, обозначить.

Он, словно последний боец в осажденной крепости, оставлял письмо в будущее, где перечислял погибших за это будущее. И читатели книги, особенно первые, это остро почувствовали.

08.10.2013

«Самое дорогое у человека — жизнь» — это не просто внутренний монолог, а клятва продолжать жить за себя и за тех, кто погиб. Казалось, она должна была стать эффектным финалом романа. Но в книге, продиктованной жизнью, а не литературными канонами, в окончательном варианте эти слова становятся сердцевинной тексты. Им предшествует фраза: «Здесь умирали братья... чтобы жизнь стала прекрасной для тех, кому само рождение было началом рабства». А завершают монолог другие слова, тревожные, как удар колокола: «Надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать ее».

Он спешил, очень спешил. Тревога в груди была вещей.

И вот уже близко к финалу звучит другой монолог, тоже кульминационный: «Для чего жить, когда потерял уже самое дорогое: способность бороться?.. Чем оправдать жизнь сейчас и в безотрадном завтра?.. Стать отрядом обузой? Пуля в сердце — и никаких гвоздей!» Рука нащупывает в кармане привычное плоское «тело браунинга».

И вдруг врывается, взрывается в мозгу оторопевшего читателя «неправильная» фраза: «А ты попробуй победить эту жизнь...»

09.10.2013

Попробуй... Ведь буквальный перевод этой фразы: попробуй победить жизнь, когда ее муки становятся страшнее смерти. Корчагин далек от мысли, что самоубийство — страшный грех. И, конечно же, он не трус. И сцену расстрела Овода помнит отлично. Вот она, возможность командовать самому себе «пли!». Но дуло презрительно смотрит ему в глаза: кто бы мог подумать, что ты доживешь до такого дня?

Здесь кончается книжная романтика и начинается жизнь. Мальчик революции становится мужчиной. Злобно выругавшись, отводит револьвер: «Все это бумажный героизм, братишка! Шлепнуть себя каждый дурак сумеет... Трудно жить — шлепайся. А ты попробовал эту жизнь победить?»

Он еще не знает, чего будет стоить ему такое решение. Но неукротимое «надо» уже произнесено.

По свидетельству очевидцев, сцену несостоявшегося самоубийства Островский переписывал раз десять. Больше, чем знаменитый отрывок «Жизнь дается человеку...».

09.10.2013

Главный нерв романа — победа жизни над смертью. Не в библейском смысле — смертью смерть поправ, — а в смысле вселенском, надмирном: жизнь — не остановить. Ни пулей, ни тюрьмой, ни болезнью, которая хуже любой тюрьмы. Сумей жить, когда жизнь становится невыносимой. Сумей победить жизнь.

Звучит странно, — да что там! — дико звучит. Нам привычнее: победить судьбу, победить смерть. Но у Островского эта оговорка знаменательна. У него — борьба не на жизнь, а на смерть. Чувствуете суть русской поговорки: не щадить своей жизни ради победы общей? Не ради своей жизни биться, а до последнего, решительного исхода. Так идут на таран самолета. Так бросаются под танк и на амбразуру. Так идут на смерть во имя жизни.

И это «упоение в бою» тоже отлично чувствуется читателем, не подверженным чужому мнению.

12.10.2013

Довелось услышать, что, если бы «Как закалялась сталь» была написана здоровым человеком, все равно роман покорила бы мир. Возможно. Но это был бы другой роман. Дело ведь не в судьбе — в человеке. Героических предшественников и последователей Островского сегодня насчитывают сотни: поэтов, композиторов, художников, спортсменов. У каждого человека, одолевающего беду, — свой выбор, путь и цена.

Цена выбора

17.10.2013

«Живи каждый день как последний», — это заповедь самураев, уходящая корнями в конфуцианство. У афоризма есть продолжение: «Когда настанет время умереть, жалеть будет не о чем».

Максимум свободы у человека — в момент выбора. У верующих выбор есть: соблюдение заповедей Божьих, либо страсти земные. Атеисту остается вера в человека.

18.10.2013

«Человек живет не по частям, а целым». Эта фраза, оброненная Островским незадолго до смерти, когда у него оставались живыми только улыбка да голос, объясняет многое, если не все. Он был цельным и целостным во всем: в любви, в борьбе, верности однажды избранному пути. Идея освобождения человечества от рабства у Островского волей судьбы была трансформирована в уникальный личный опыт освобождения внутреннего, «сокровенного» человека от всего, что мешает росту его души и движению духа.

— Умирать, если знаешь за что — это особое дело. Умирать даже обязательно надо с терпением, если за тобой — правда, — рассуждает один из красноармейцев, слушая, как Корчагин читает «Овода». — Так человек не выдержал бы, но если за идею пошел...

У меня нет намерения проводить параллели с современностью. Просто вспомнились слова героя повести Захара Прилепина «Санькя», которая получила опять же Всекитайскую международную литературную премию: «Я хотя бы знаю, за что я умираю, а вы даже не знаете, зачем живете».

19.10.2013

Он верил, что жизнь дается один раз...

Уже не помню, где прочитала, что на самом деле у каждого из нас две жизни. Одну мы проживаем, как сумеем, а вторая — непрожитая — уходит вместе с нами.

Между этими двумя жизнями высится сопротивление, порожденное неуверенностью, ленью и миллионом других причин, которые отодвигают воплощение

нашего настоящего призвания до бесконечности. Это сопротивление не дает человеку исполнить «замысел Божий о нем». Среди миллионов мужчин и женщин остаются безвестными великие писатели, не написавшие ни одной книги, великие врачи, не исцелившие ни одного пациента, великие художники, которые отложили кисть, не завершив ни одной картины... Сила этого тихого сопротивления на самом деле страшна и приносит человечеству убытки большие, чем войны, эпидемии и техногенные катастрофы.

Сет Годин, американский автор популярных философских книг, поясняет: «Наше сознание имеет два четко разграниченных отдела: гений и сопротивление. Сопротивление расположено в мозгу ящерицы. Мозг ящерицы — это не просто некий образ. Это вполне реальная часть нашего организма, находящаяся в самой верхней части позвоночного столба и борющаяся за наше выживание. Но выживание и жизнь — это не одно и то же».

О, Господи... Что же сказать об Островском, который в двадцать лет узнал, что его положение безнадежно? О чем кричал его инстинкт самосохранения, голос которого он, впрочем, никогда не принимал во внимание: остановись! Успокойся, наконец! Хоть сейчас-то! Ты уже видел и пережил столько, что на две, на пять жизней хватит. А теперь отдохни, ты устал... очень устал...

Вот в этой-то ситуации — как?!

20.10.2013

«Есть несчастные люди, обиженные природой, которые не знают, что жизнь прекрасна. Счастье, что я не принадлежу к этой категории дефективных», — это строчки из последнего письма Островского, которое он написал собственной рукой...

Читаешь и думаешь: кто только у нас ни писал о ступенях, ведущих вниз, в пропасть! Кто только ни исследовал аномалии души преступника, подлеца, игрока, предателя... А книги о самоборстве, о восхождении, о победе над судьбой можно по пальцам пересчитать. Но ведь героика и романтика — это не сладкая жвачка. Это витамины, без которых мальчик никогда не станет мужчиной. Этообретение особой внутренней осанки.

Мне, как читателю, по большому счету, неинтересно, до какой низости может опуститься человек. Но очень важно — до какой высоты он сумеет подняться.

Человек — это то, во что он верит...

23.10.2013

«Счастье Корчагина», — так должна была называться поначалу книга Островского. Да, именно счастье, вопреки жестоким болям и бытовой неустроенности. Ожидая, когда подойдет его очередь на госпитализацию в столичную клинику, он с женой жил в кладовой архива, неотапливаемой комнате без окон с цементным полом.

А потом — восемнадцать месяцев «непередаваемых страданий... среди стонов и причитаний обреченных людей». Переносить эти стоны ему было несравнимо труднее, чем свою личную боль. В конце концов, отказавшись от очередной операции, он сказал жене: «Не волнуйся, девочка, меня не так легко угробить. Я буду жить и бузотерить хотя бы назло арифметическим расчетам ученых эскулапов».

Про «арифметические расчеты» сказано в самую точку: в его организме началась «высшая математика», ведомая древним китайцам, индусам, инкам, но современной медицине недоступная.

Древние римляне говорили, что гений — это дух, живущий в человеке. *Он руководит каждым из нас, строит нашу судьбу и направляет действия. Это тайна тайн и основа основ человека, которая делает смертного творцом, равным богам.* Но... у каждого доброго гения есть свой злой гений, который старается свести на нет божественный замысел. И в большинстве случаев ему это удается: ведь мысленное сопротивление убивает все наши благие порывы вернее самой быстрой пули и самого сильного яда.

И только в редких случаях, когда душу человека переворачивает смертный приговор, наступает мобилизация всех сил душевных.

24.10.2013

Вообще-то самым счастливым в своей жизни Николай Алексеевич считал 1935 год. «Кто бы мог подумать, что у меня будет такой счастливый конец жизни, — писал он своему другу, — ведь, если, скажем, я нечаянно погибну, чего я не хочу, то это будет гибель на боевом посту, а не на инвалидных задворках». Он написал это письмо после того самого консилиума, на котором врачи объявили, что жить ему осталось месяц.

25.10.2013

А в романе?

Всего три минуты счастья насчитала я у Павки — но любая из них перевесит год. В начале книги — его любовь к Тоне Тумановой: среди многочисленных «ненавидел, ненавижу, ненависть» вдруг звенит чистейшая, яркая и ясная интонация любви: «Эта девушка на пути — большое счастье».

Чувство счастья переполняет его и на съезде Российского коммунистического союза молодежи в Москве: «Никогда более ярко, более глубоко не чувствовал Корчагин... той необъяснимой словами гордости и радости, что дала ему жизнь, приведшая его как борца и строителя сюда, на победное торжество молодой гвардии большевизма».

И наконец финал романа: телеграмма из Ленинграда: «Повесть горячо одобрена. Приступают к изданию. Приветствуем победой».

Сердце учащенно билось. Вот она, заветная мечта, ставшая действительностью!

26.10.2013

Счастье — слово общеславянское. Буквально — «лучшая часть, доля, удел». У Даля: «благоденствие, благополучие, земное блаженство. Желанная жизнь без горя, смут и тревоги, покой и довольство. Чувство и состояние высшего удовлетворения своим бытием, полнотой и осмысленностью жизни».

Желанная жизнь. Просто и понятно. Почему же так трудно быть счастливым? Потому что эволюционное движение к себе, раскрытие себя и своей сути намного сложнее, чем участие в мировом пожаре революции.

Конфуций объяснил причину еще в VI веке до нашей эры: «Превозмогать себя и возвращаться к должному в себе — вот что такое истинная человечность, дарящая счастье. Быть человеческим или не быть — это зависит только от нас самих». И годы спустя добавил: «Счастье — это когда тебя понимают, большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты».

27.10.2013

Островский любил и был любим. Раиса Порфирьевна Островская, его жена и соратница, написала книгу о своем муже. В ней есть такое признание: «Его любили все женщины, которые его знали».

Он был красив, но дело не во внешней красоте. В романе легко прослеживается последовательная и неуступчивая цельность во всем, что касается любви, интимных

отношений. И жалость его к судомойке Фросе, вынужденной продаваться богатым посетителям буфета, и чувство невольной вины перед Христиной, которая в подвале, где сидят арестованные, просит его полюбить ее, чтобы «дивочисть» не досталась коменданту тюрьмы или пьяным казакам. И первая любовь к Тоне Тумановой, и сильное, зрелое чувство к Рите Устинович, его «другу и товарищу по цели». Она была для него неприкосновенна, и он сам остановил нарастающую страсть и нежность: не время. А потом оказалось... «немного поздно, товарищ Овод». Знаменателен ответ Павла: «Все же у меня остается несравненно больше, чем я только что потерял».

Письмо Риты к Павлу — это слова самого Островского, его кредо: «Я на жизнь не смотрю формально, иногда можно сделать исключение в личных отношениях. Если они вызваны настоящим, большим чувством. В нашей жизни есть не только борьба, но и радость».

Это Павка презрительно бросит бывшему соратнику Дубаве, застав его с гулящей девкой: «До чего ты дошел, Митяй? Я не ожидал увидеть тебя такой сволочью. Почему ты дичаешь?»

Заметим, что говорится это в пику теории «стакана воды», популярной среди революционеров: секс между товарищами по партии — это удовлетворение простой физической потребности, такой же, как голод и жажда. Не признает Корчагин и игры в «бутылочку», и «танцев-обжиманцев». Фанатик? Да нет. Просто из принципа не желает играть в любовь, когда нет «настоящего сильного чувства»: «Я никогда не примирюсь с тем, что революционер-коммунист может быть в то же время и похабной скотиной, и негодяем».

28.10.2013

«Рабоче-крестьянская страна... требует, чтобы на знамени ее не было ни одного пятна».

Ни одного пятна... Вера в правоту и неизбежность победы революции, установление мирового справедливого уклада не была у Островского слепой. Глазами Павки он подмечает, как в пылу жестокой борьбы одно беззаконие рождает другое. И не только из-за нехватки времени одуматься, но и по «принципиальным» соображениям.

Вот в костел в момент насилия над женщиной врывается рота латышских красноармейцев. Командир, увидев происходящее, приказывает пустить насильников «в расход». Несмотря на просьбы о пощаде, их расстреливают без трибунала, без суда и следствия. Логика командира железная: «Кровью знамя крашено, а эти — позор всей армии. Бандит смертью платит».

И следом — эпизод, когда Павка получает иной урок от комиссара своего полка. В ответ на недоумение «они наших вешают, а мы их сопровождай без грубостей, где силы взять?» — комиссар отвечает тихо, твердо и сухо: «За жестокое обращение к безоружным пленным будем расстреливать. Мы не белые!»

О многом говорят и строчки письма восемнадцатилетнего Островского к одной из своих знакомых: «...не считайте меня, мой друг, за мальчика, который, ничего не делая, вздумал разочаровываться и мечтать о воздушных замках и идеальной свободе, равенстве и братстве. Порыв желанья жить своей мечтой бросил меня в армию в 1920 году, но я быстро понял, что душить кого-то — не значит защищать свободу, да и многое другое».

29.10 2013

«Душить — не значит защищать...» Он действительно стремился, чтобы «ни одного пятна» не было на знамени цвета крови, пролитой им и его соратниками.

Это трудно, почти невозможно, когда речь идет о живых людях. И Павка Корчагин начинает с себя самого. Еще до болезни он объявляет борьбу своей необразованности, анархии, вспыльчивости, сквернословию, привычке курить.

Уже из приведенного перечня видно, что он не святой. Но это человек, который держит данное себе и другим слово. Плевать, что за спиной будут хмыкать и крутить пальцем у виска. Он говорит то, что думает, и делает то, что говорит. Сказал — бросит курить. И бросил. Сказал — не будет материться — сдержал слово. Только честно предупредил докторов, что может выругаться под наркозом.

Его требовательность к другим начинается с высочайшей требовательности к себе. Это редкость во все времена. А потому и сила убеждения в его словах колоссальная. Потому и завидуют ему Цветаев, Развалихин, Файло и другие формальные комсомольские лидеры. За Корчагиным молодежь идет: он не только призывает, он первым делает. И потому «неправильные», нелитературные, но сердцем продиктованные фразы из его книги — живые.

30.10.2013

Трудно не согласиться со Львом Толстым:

«В большей части случаев нравственная жизнь, честность, правдивость, доброты к людям встречались и встречаются в людях неверующих. Напротив, признание своего православия и наглядное исполнение его обрядов большей частью встречается в людях безнравственных, жестоких, высокопоставленных... Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства».

Нет, «Как закалялась сталь» — это не «красное евангелие» и не ангажированный сборник политических новелл. Люди, читавшие роман Островского, слышали живой голос своего ровесника, нового человека новой эпохи. «Человека беззаветной веры, несгибаемой воли и преданности долгу. Реального человека, а не созданного воображением. Для многих людей, особенно молодых, — это встреча исключительной важности».

Сказано не в тридцатые и даже не в семидесятые годы прошлого века, а в разгар перестройки и пересмотра всех идей-идеалов. Знаете, кто сказал? Ученый богослов, протоиерей русской православной церкви Александр Мень, слова которого уже цитировались выше.

Смелость быть счастливым

06.11.2013

Сам Николай Алексеевич перед женитьбой признался другу: «Именно сейчас... когда жизнь дала мне подножку... вот только теперь, как это ни дико, пришла чудачка нечужая...»

А «чудачка», Раиса Островская, прожила с ним всего пять лет и в тридцать стала вдовой.

Она пережила его на полвека, но больше ни разу не вышла замуж. Хотя к ней — молодой, яркой, умной, обаятельной — сватались многие.

Первую встречу с Николаем запомнила на всю жизнь: «Пышные темно-каштановые волосы... зачесанные вверх, они волной спадали на левую сторону. Темные брови, почти сросшиеся у переносицы. Глубоко посаженные карие глаза. Они казались огромными и подчеркивали бледность матового лица. «Какой красивый!» — промелькнуло у меня в голове... И от этого я еще более сконфузилась...»

Между тем, когда они встретились, он уже передвигался на костылях. Через год после того как зарегистрировали брак — слег окончательно. Раиса наотрез

отказалась разводиться с мужем. Она была не только сиделкой, но и кормилицей семьи, работала, училась. Он требовал, чтобы она росла, при этом ясно отдавая себе отчет, что, чем глубже она будет уходить в работу и учебу, тем меньше времени будет уделять ему: «Если жена — товарищ по партии, они редко видятся. Тут два плюса: не надоедят друг другу, и ссориться некогда».

07.11.2013

Он и сам поступил на заочный факультет Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Учился по памяти. Рая была в курсе всех его дел, умела одним словом разогнать складки на лбу мужа, радовала его своими успехами в учебе и в партийной работе, оперативно и деликатно помогала ему во всех вопросах, которые слепой, парализованный человек не в силах решить самостоятельно.

При этом — удивительное дело! — по словам его близких, он был главой семьи, первым советчиком и безусловным авторитетом.

08.11.2013

На самом деле это очень важно: Островского слушали и охотно помогали не только родные и друзья, но совсем посторонние люди. Пришел незнакомый парень, провозился весь день и смонтировал радиоприемник, который можно было слушать в наушниках. Пришла соседка, молодая девушка, и стала добровольным секретарем, каждый вечер до полуночи, а то и до утра записывая под диктовку страницы романа. Никто не знал, получится ли у него задуманная книга, никто не мог и представить ее успех. Знаменательно признание одного из друзей: «Ему хотелось помогать». Это лучше всяких слов подтверждает уникальность человека, который в состоянии полной физической беспомощности не только был выше жалости, не только не обременял окружающих людей, но, напротив, дарил, по их воспоминаниям, «заряд энергии жизненной и творческой».

09.11.2013

После публикации книги в гости к нему стали приходиться многие люди: от первых Героев Советского Союза, известных артистов и писателей до простых рабочих и студентов. «Все они вспоминали, что сначала неловко чувствовали себя и страшились переступить порог его комнаты. Но уже через несколько минут забывали, что он тяжело болен. Николай умел впитывать в себя события чужой жизни с таким интересом, который сыграть было невозможно», — писала Раиса Порфирьевна. В последний год жизни, по ее словам, Островский улыбался особенно часто...

— Наверное, скоро придется писать некролог. Какой-то холод страшной силы пронизывает все тело... — последние слова, которые Островский сказал жене. За два часа до этого была сделана последняя его прижизненная фотография, где он улыбается, глядя в объектив.

Их любовь была не только соратничеством, но и сотворчеством. Другой такой любви она больше не встретила.

10.11.2013

И снова вспоминаются слова Чехова, для которого человеческий талант и воля к жизни были главными, определяющими: «Человек — это то, во что он верит». Чехова и Островского роднила вера в человека. Если бы они встретились — не так уж далеко Ялта от Сочи — разница формулировок «надо жить» и «хочется жить», скорее всего, сошла бы на нет. Переход к революции внутренней, духовной совершился у них незаметно и естественно: эта революция оказалась им по плечу.

11.11.2013

В древнеиндийском трактате, который насчитывает пять тысячелетий, приметы счастья и несчастья разложены буквально по полочкам. Выводы заставляют задуматься: «Несчастье дает тебе много вещей, которые счастье дать не может. Напротив, счастье многое отбирает у человека. Несчастья лелеют его эго, а счастье, в основном, — состояние неэгоистичности. Это проблема, это корень всех проблем. В несчастье мы есть. В счастье нас больше нет. В несчастье человек кристаллизуется; в счастье — рассеивается».

А мы привыкли думать, что счастливый человек эгоистичен и не склонен замечать беды вокруг. Оказывается, именно несчастье делает человека особенным и привлекает к нему внимание окружающих. Как там, в «Анне Карениной»: «Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

12.11.2013

Дальше еще интереснее: из трактата следует, что, когда мы больны и несчастны, друзья приходят нас утешить, поддержать и помочь. Но когда мы счастливы, те же самые друзья начинают ревновать и завидовать. Если состояние счастья продлится достаточно долго, мы рискуем обнаружить, что весь мир отвернулся от нас. Древние индусы объясняли этот парадокс просто: счастливый человек причиняет боль окружающим, которые начинают чувствовать свою ущербность: «Как ты смеешь быть счастливым, когда мы все так несчастны!»

Выходит, нужна смелость, чтобы быть счастливым в мире, населенном людьми, недовольными своей участью? Чтобы оставаться частью этого мира, нужно хотя бы делать вид, что ты несчастен...

13.11.2013

Нет, рецепт индийских мудрецов не для Островского. Он счастлив именно тогда, когда чувствует себя частью «молодой гвардии», частью «страны-подростка», частью великой эпохи, которую не зря назвали эпохой созидания. Счастье — это слияние, соединение. С миром, с Богом, с природой, с любимым человеком, с друзьями-единомышленниками: «Я счастлив, что я — этой силы частица», — в строчке Маяковского передано чувство «рассеивания» человеческого эго: это сила капли, вернувшейся в океан.

Ведь счастье — это еще и чувство *возвращения*. Не случайно эллины желали друг другу не здоровья и благополучия, а гармонии. Если утрачена божественная скрепа гармонии, которая связывает прошлое и будущее, земное и небесное, в душе человека воцаряется хаос. Победить его могут только вера, любовь и творчество.

Любопытно, что Конфуций, современник древних греков, живший на другом краю земли, утверждал, что изначальное предназначение творчества — *гармонизировать* мир. По мере зрелости приходит понимание, что гармонизировать надо собственную душу с окружающим миром.

14.11.2013

Счастье Корчагина — это возвращение в строй через творчество и любовь к жизни. Сделать то, что он сделал, только ради себя самого — невозможно. Нужно слышать голоса, чувствовать пожатие рук и ответное сердечное тепло людей, называющих тебя «братишкой». Понимать, что не только они тебе нужны, но и ты, человек-мумия, недвижимый, испытывающий страшные боли, весящий тридцать два килограмма при росте под метр восемьдесят, нужен им, здоровым, чтобы подзарядиться яростным желанием жить и напитаться силой духа.

15.11.2013

Что-то удалое, безоглядное, отчаянное и неизбежно русское жило в этом человеке и осталось жить в книге, которую он написал. И народным героем Корчагин стал не по приказу сверху, а в силу того, что воплотил русскую идею поиска смысла жизни и веры в ее грядущее преображение, построение на началах добра, красоты и правды.

Автор этой идеи, конечно, не Островский и даже не Ленин, которому в романе посвящено немало проникновенных страниц. Русская идея, по сути, интернациональна и стара, как мир человеческий. Но странные бывают сближения: молодой кочегар, которого болезнь превратила в мумию при жизни, и вождь мирового пролетариата, которого мумифицировали после смерти, на многие годы стали иконами официальной пропаганды, которая небезуспешно стремилась мумифицировать, «омузейть» память о них, а заодно об идее, которой они служили.

16.01.2015

Сегодня в революциях, поставленных на поток, напрочь утрачен живой эволюционный момент, малейший намек на духовное творческое начало. Нации в бесконечном противостоянии обескровливаются и обесцвечиваются.

Мы стали свидетелями кризиса потребительского подхода к жизни — жизни в кредит, которую больше не в силах вынести ни Земля, ни природа, ни человек. Стремление человека к комфорту естественно, пока не становится самоцелью, делая его «машиной желаний» и подменяя счастье удовольствием. Любая имитация счастья в денежно-вещевой пустыне с помощью алкоголя, наркотиков, секса, азартных игр опасна тем, что рано или поздно включает программу самоуничтожения. Что касается человечества, живущего в кредит, — оно включает программу уничтожения будущих поколений, ибо живет за их счет.

Современные психологи вынуждены солидаризироваться с писателями-фантастами: идеально развитый, утопический капитализм — это безграничные материальные возможности, полная свобода и... неопишное убожество личности.

Нынешний глобальный кризис — это, прежде всего, кризис культурный и ценностный, это коллапс потребительской западной цивилизации, который привел ее к лобовому столкновению с цивилизацией русской. И столкновение это произошло на родине Островского — Украине...

17.01.2015

В перестроечные годы Островского если и вспоминали, то в основном в русле диспутов: герой или жертва, борец или мученик, святой или сумасшедший? Между тем, по словам одного из наших современников, «книга Островского не нуждается в снисхождении, она нуждается в понимании». После повторного прочтения романа появляется чувство, что информация в нем записана на нескольких уровнях. Каждый читатель сможет понять только то, что он готов понять, что позволяет уровень его духовного развития.

Понятно, что примеру Павки, доказавшего возможность невозможного, мало кто сумеет последовать. Но, не решаясь пойти по горным восходящим тропам, многие хотя бы поднимут голову к вершине.

18.01.2015

Но это не главное. Читателям будущего предстоит открыть Павку Корчагина, счастливого человека. Человека творческого. Который, как никто, знал на собственном опыте, что без мук нет творчества, без творчества нет созидания, без созидания нет счастья.

Принцип, по которому он работал, можно сформулировать и так: не человек для творчества, а творчество — для Человека. Возможно, этот принцип станет основополагающим для людей будущего. Ибо для таких, как Павка, творчество — не способ самоутверждения и «самовыражения» любой ценой, не пиар и бизнес, а самосозидание, результат которого важен для тысяч людей и потому включается в тонкую звездную матрицу Вечности.

Ни один вид творчества не дает человеку такой чистой радости, как сотворение себя самого. Смотрите, что пишет Островский коллективу одесской кинофабрики за полгода до смерти: «Помните, что Павка Корчагин был жизнерадостный, страстно любящий юноша... Павка не должен выйти суровым, хотя он хотел казаться таким. Жизнь была в нем ключом, прорываясь наружу сквозь внешнюю суровость».

20.01.2015

Этот человек, «прорвав громаду лет», шагнул в другой мир и другую эпоху. Точнее — он встал над временем. Ибо, «когда вы действительно счастливы, время исчезает и пространство исчезает». Конфуций прав...

Никто не учит человека любить и быть счастливым. А ведь это главное, ради чего он приходит на землю. Может, потому и не учат, что это талант? Умение любить, умение дарить и умение быть счастливым, несмотря ни на что.

Ведь каждый день — это такое чудо...

